

Игорь Андреевич Исаев

Московский государственный юридический университет им.

О.Е. Кутафина (МГЮА)

kafedra-igp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1183-082X>

Идеальное управление и совершенство техники

<http://dx.doi.org/10.12775/SIT.2019.006>

1. Власть как технология: политическое господство

Создание первой мегамшины власти было настоящим техническим подвигом, который послужил моделью для всех последующих форм механической цивилизации. Незримое сооружение, состоявшее из живых, но пассивных человеческих деталей, со временем было превращено в некую материальную структуру и во «всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни»¹.

Тотальная механизация стала связываться с такими функциями, как непрерывное увеличение порядка власти, предсказуемости и контроля. Господство этой протонаучной идеологии привело к регламентации и деградации некогда независимой деятельности человека: впервые возникло и такое явление,

¹ L. Mamford, *Mif mashiny*, Moskva 2001, p. 9–10.

как управление массами. «Прояснение массы темных иррациональных явлений нашей высокомеханизированной и мниморациональной культуры» показывает, что как в древности, так и теперь прогресс и прирост знания и производительности зачастую «перечеркивается столь же громадным ростом намеренных разрушений [...] и чудовищного массового истребления людей» (Л. Мамфорд)².

Создатели машин преимущественно были заняты техническими проблемами и плохо представляли или идеализировали возможные результаты их применения. Слишком много факторов воздействовало на эти процессы одновременно. Очевидным было одно – люди надеялись подчинить себе природу, пространство и время. Подчинение же людей своей воле происходило из самой сущности техники, требующей этого: первоначально власть, техническая и власть над людьми не были достаточно дифференцированы. Появление самостоятельной политической власти означало уже, что техника власти приобрела определенный приоритет над собственно человеческими нетехническими отношениями.

Жители Месопотамии рассматривали власть как силу, внутренне присущую приказу. Первая великая победа богов над силами хаоса, победа сил активности, была одержана именно с помощью власти, а не с помощью физической силы. Она и была выиграна благодаря власти, внутренне присущей приказу, благодаря магии, заключенной в заклинании. Все последующие технические революции скрытно или явно использовали этот метод воздействия, несмотря на изменения форм и условий, сопутствующих и определяющих эволюцию самой мегамашины, и амбициозные претензии научно-технического новояза.

Свойственные машинной технике монотонная повторяемость действий и их рассчитанность формировали качество императивности, которая была неотъемлемой составляющей

² G. Frankfurt, G.A. Frankfurt, Dzh. Uilson, T. Yakobson, *V preddverii filosofii*, Moskva 1984, p. 164.

любой власти, любого приказа: власть тем самым как бы освобождалась от эмоциональных и этических наслоений и оставалась в сфере чистой технологичности. На этапе «механической революции» девизом власти могли стать слова: «власть работает как часы». Техника выхолащивала все действительно человеческие, пусть во многом и иррациональные моменты, добиваясь наибольшей эффективности и демонстрируя свою рациональность и организованность в делах.

Но с каждым новым усилением диапазона реальной власти «из бессознательного неожиданно вырывались все новые причудливо садистские и убийственные импульсы». Одновременно с этим тяготение к власти, отличающие все ориентированные на небеса религии, со временем делалось самоцелью, что выражалось в стремлении достичь абсолютного контроля над природой и человеком. «Абсолютной власти, присущей царям, сопутствовали тщеславие, беспощадность, жестокость, привычка к принуждению». (Л. Мамфорд был уверен, что предприимчивость, самоуверенность и беспощадность, которыми обладали цари, чтобы достичь господства и удержать его, выросли из функций «охоты», в которой ранее всего выразились стремления к безграничной власти и особые техники властвования)³.

Отношения власти в плане разделения труда были укоренены в самой социальной сети. Формы и места, в которых одни люди управляют другими, многочисленны, они наслаиваются друг на друга, друг с другом пересекаются, ограничивают друг друга. Однако можно заметить и некую непрерывную этапизацию власти, когда государство начинает выступать как особая сила: отношения власти постепенно становятся все более «правительственными», т. е. разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительством государственных институтов⁴.

М. Фуко в своем историческом исследовании техник власти называет три важнейшие формы так называемой экономики

³ L. Mamford, *Mif*, p. 239, 269.

⁴ M. Fuko. *Sub'yekt i vlast'*, „Intellektualy i vlast'" 2005, ch. 3, pp. 186–187.

власти: это во-первых – «государство юстиции», возникшее в рамках территориальности феодального типа и в целом соответствующее «обществу закона, обычного и писаного права», предполагающему судебную состязательность, тяжбы и др. Во-вторых, административное государство, сформировавшееся в XV–XVI вв. в рамках территориальности, обусловленной границами (но не феодальное), которое соответствует обществу регламентации и дисциплины; наконец, это – государство управления, определяемое не территориальностью, а массой, численностью, динамикой населения⁵.

Возрастающие усложнения технических средств в силу свойственного им тяготения к экономии труда, ресурсов, энергии и времени требовали большей централизованности управления. Появление новых средств передвижения способствовало расширению сферы деятельности мегамашин власти, включения в их юрисдикцию новых территорий, экстенсивной экономической политики. Одновременно происходила рациональная институализация отдельных органов мегамашин, ориентированных на специальные отрасли и деятельность.

Механизмы и устройство господства составили вполне реальную основу нарождающегося глобального механизма. Структуры власти явились глобальными стратегиями, которые пересекали, поглощали локальные формы тактики господства и использовали их. Техники господства тем самым составили реальную сеть отношений власти и основу глобальных механизмов власти: «Главная тема теперь даже не генезис суверена, а производство субъектов [...] Не суверенитет, а господство [...], формы господства, устройство господства», должны стать настоящим предметом анализа власти⁶.

Уже Кант отличал форму осуществления господства от способа использования государством своей силы: если форма

⁵ М. Фуко. *Bezopasnost'. Territoriya. Naseleniye*, Sankt-Peterburg 2008, p. 164.

⁶ М. Фуко, *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, Sankt-Peterburg 2005, p. 63.

господства состоит в делегировании верховной власти суверену, то форма правления зависит от степени смешения исполнительной и законодательной властей: другими словами, именно техника перемещения властной субстанции в конечном счете определяет и сущность властеотношения.

Государство же, как особый институт политического, на определенном этапе своего становления присваивает себе контроль над мегамашиной властвования и становится ее самой важной составляющей. Именно государство, объявив себя защитником общества, требует полного подчинения себе; государственный интерес (рожденный системой суверенитета) ставится тогда выше любых рациональных доводов и мнений. В этой ситуации технические знания из области абстракций весьма скоро переходят в область практического применения, где вместе с ожидаемыми от них благами несут в себе и непредсказуемые риски, а в науке теперь предпочитают видеть универсальную панацею от таких бедствий. Однако государства, эти «новые Левиафаны», теперь уже требуют, чтобы все научные исследования были направлены прежде всего на увеличение их собственной мощи в будущих конфликтах: создается впечатление, что именно «государственная наука и техника становятся, без сомнения, одним из самых страшных бедствий нашего времени» (Габриэль Марсель).

Поскольку техника приобретает, ее можно уподобить некоторому владению, некоторой привычке, которая по сути и сама есть некая техника. И если человек может стать рабом своих привычек, то он также вполне может стать и узником своих технических средств. Усовершенствование коммуникаций повсюду происходило за счет индивидуальности, которая все более нивелировалась⁷.

Уже сам факт наличия власти предшествует учреждающему, опровергающему, ограничивающему или усиливающему эту власть праву... Прежде чем власть стала устанавливать свои правила, прежде чем она стала делегироваться, прежде

⁷ G. Marsel', *Lyudi protiv chelovecheskogo*, Sankt-Peterburg 2018, pp. 74–77.

чем она утвердилась юридически, она уже существовала как факт: «сначала возникает общество, и только потом закон и управление»⁸.

Общество – не только область солидарности и сплоченности, но и область разлада и распада: меняющееся соотношение принуждения и свободы, проявляющееся в процессе политической эволюции, как кажется, только углубляет разрывы и дифференциации, и власть в форме политического в своем апогее порождает дилемму и напряжение в паре «друг-враг» (по утверждению Карла Шмитта, в этом и состоит сущность политического). Для машины власти это противостояние выражается в более масштабной дилемме «порядок-беспорядок», поэтому главной целью машины и высшей ценностью для ее действий всегда останется рациональное целеполагание, направленное на создание порядка из хаоса: и смысл действий по управлению состоит в том, чтобы следовать по этому пути.

То же, что выходит за рамки рациональной, но всегда вообразимой управленческой программы, тогда уже кажется либо политически нейтральным (как временная ситуация), либо враждебным, и должно быть непременно преодолено, ведь техническое устремление к повторяемости и однородности (во всяком случае, в их оценке) здесь не терпит никаких исключений (того, что в ситуации суверенитета является нормальным источником напряженности и конфликта). Такая опасная для техники сила инородности заключается в ее нефункциональности, поскольку она выступает как суверенная форма, неоднородности, которая формирует свою собственную власть, отрываясь при этом от «пустоты»: ее сакральное и таинственное зарождение из «неизменной однородности», вдали от центра распределяется по многим периферийным очагам. Нарастает процесс распада. Образуются альтернативные очаги конденсации власти, пытающиеся подрвать устойчивость социальной однородности: «В их рассеянности и заключается грозная сила инородности, которой можно

⁸ М. Fuko, *Rozhdeniye biopolitiki*, Sankt-Peterburg 2010, p. 378.

противопоставить только сравнимую с нею силу»⁹; исключение здесь оказывается сильнее нормы, и оно же формирует необходимые ему новые нормы и новый порядок.

Технология власти именно поэтому концентрирует свое особое внимание на преодолении кризисов и конфликтов внутри системы, для чего ею используется техника гомеостаза: для выработки руководящих норм власти всегда необходима обратная связь управляющего субъекта с объектом управления. Для сохранения системного равновесия власть поднимается над конфликтующими элементами структуры. По сути же власть в этой ситуации принадлежит и тяготеет не столько к чреватому конфликтом порядку столкновения двух противников или к обязательствам одного по отношению к другому, сколько к более стабильному и общему порядку управления.

Начало и сущность всякого политического господства всегда есть сила, независимо от того, возникает ли она из насилия или из добровольной договоренности, она – «тот сосуд, куда вносится все, что предполагается при наличии политического господства формировать, защищать или создавать – право, свобода, богатство, благополучие или внешняя экспансия». (Государственный интерес в Европе с момента своего возникновения, в сущности, – «насыщение волчьего голода воплощенных в те времена в абсолютном правителе сил современного государства»: «политический биологизм власти» внедрял во внеевропейских странах всемирное господство Запада. «Современный капитализм и современная наука пестуются в этих политических образованиях, родственных формах, и прежде всего средствах усиления власти, этого нового, приходящего к господству над существованием политико-биологического “звериного мира”»¹⁰).

Чтобы возник правовой порядок, требуется наличие устойчивого «нормального» порядка. Внутри «машины власти» нор-

⁹ Z.H. Batay, *Psikhologicheskaya struktura fashizma*, „Novoye literaturnoye obozreniye” 1995, ch. 123, p. 97.

¹⁰ A. Veber, *Proshchaniye s prezhney istoriyey, Krizis yevropeyskoy kul'tury*, Sankt-Peterburg 1979, pp. 411–412.

мализующие элементы просто обязаны превалировать, чтобы сохранить систему в целостности. Однако, когда ее устаревающие части начинают проявлять склонность к статичности, энергия конфликта сама по себе решает положительную задачу оздоровления (Александр Богданов в своей «Тектологии» красочно описывал процесс замены старых политических функционеров молодыми кадрами. На практике осуществлялись даже эксперименты по переливанию крови от молодых к старым функционерам, «человеку-машине» обновлялась энергетическая субстанция. Генная инженерия рождалась задолго до XX века: когда ренессансные мыслители – Фичино и Пико Мирандолло говорили о «достоинстве человека», они видели перед собой уже нового человека, натура которого исправлена при помощи новых техник преображения. Магическое так и не уходило слишком далеко от технического и от прогресса.).

Как заметил Эрнст Юнгер, «менее всего знает время тот, кто не испытал на себе чудовищную силу «иногo» и кто не уступил его соблазну». Мартин Хайдеггер добавляет, что отворачивание и удаление от ничто не решают проблемы, они господствуют, угнетая человека, оттягивают его, засасывают его стремления и дела: «Ничто – сердцевина нигилистического отношения, в котором техника теряет свой смысл, оставаясь полностью только техникой»¹¹. Когда чиновники впадают в «моральный автоматизм», это и свидетельствует о приходе нигилизма. Правда, нигилист – не преступник в принятом смысле, так как для преступления нужно, чтобы существовал и действовал определенный порядок: здесь же переход совершается из морального контекста в автоматический. Там, где нигилизм стал нормальным явлением, индивиду остается только выбирать между видами несправедливости (Э. Юнгер): голая «аморальная» техника как форма власти и есть настоящий нигилизм. (Два великих страха охватывают человека, когда нигилизм достигает кульминации: «один основан на

¹¹ E. Yunger, *Sud'ba nigilizma, Cherez liniyu*, Sankt-Peterburg 2006, p. 63, 95.

ужасе внутренней пустоты и принуждает человека любой ценой манифестировать себя вовне – проявлением власти, овладением пространственным и повышенной скоростью, другой страх воздействует извне, как атака могущественного мира, одновременно демонического и автоматического: в то время на этой двойной игре и основана непобедимость Левиафана, которая иллюзорна и поэтому сильна»¹².)

Политика – вот тот смысловой горизонт, в котором человек утверждает свои смысловые связи с миром, а общество и политика сущностно необходимо соразмерны человеческому существованию: человеческая жизнь получает здесь свою конституцию не только внешним юридическим образом, но и по своему существу. И политическая реальность есть форма преломления жизненных отношений личностей, ирреально противостоящих друг другу; в публичной жизни они, эти «игровые средства» и дают выход притязаниям на близость и дистанцию.

Внутри системы модерна уже содержался некий прозрачный намек на «непредставимое в самом представлении», отказ от «утешения посредством хороших форм», постоянный поиск новых представлений – и все это «не для того чтобы насладиться ими, но для того, чтобы дать лучше почувствовать, что в наличии имеется и нечто непредставимое». Это и было рождением постмодернизма. Мегамашина на этом этапе своего становления решительно делает ставку на множественность и тем самым утрачивает единство: «технонаука принимает только успех», который устанавливается как санкция, как некий закон, который неведом. Она не только не завершает проект реализации чаемой всеобщности (идея, из которой мегамашина и рождалась), но только ускоряет процесс делегитимизации. И источником легитимации оказывается отнюдь не «народ», который есть только идея, но что-то или кто-то иной: постсовременность, как это не горько, начинается с оскорбления суверена – «народа»¹³.

¹² Ibidem, p. 51, 52.

¹³ Z.H.-F. Liotar, *Postmodern*, Moskva 2008, pp. 30–35.

Установлению «тайного типа правления», т. е. его исключительной формы, соответствует и особый способ управления населением, для которого характерны два признака: административное правление не спрашивает у подданных ни их мнения, ни одобрения, а требует лишь подчинения и преданности: такой способ правления опирается на идеологию, согласно которой государственный интерес по-настоящему не доступен для тех, кто не посвящен в тайну.

При абсолютизме государственные интересы становятся синонимом общего блага. При такой форме правления публичность остается только ритуалом, вписанным в церемонизацию политической жизни, которая развивается в противовес все более тайному характеру принятия собственно политических решений: идея «секретной политики» имела смысл только тогда, когда политика была социально сконструирована и одновременно существовала как государственная власть и публичность¹⁴ (Тогда тайна перестает быть составляющей власти и становится одним из средств ее отправления. На этом фоне чиновники становятся преемниками традиций королевской власти, но уже под знаменем общественного служения.

В рождающемся научном восприятии формальная логика уступает место менее точным системам, а четко выделяемые факты заменяются расплывчатыми явлениями, не отвечающими каноническому правилу «исключенного третьего» и требованиям необходимости: ассоциация идей строится по законам трудно определяемым, но реальным. Ассоциативность вообще становится доминирующей чертой нововременного мышления (К. Леви-Стросс): власть в таком представлении может быть расплывчатой и скрытой, поскольку она может реально осуществляться только после своего воплощения в действительность. Сама же юридическая техника относится к правилу, как ремесло относится к искусству или как эксперимент к науке. Этот прикладной характер техники и делает ее особенно перспективной в условиях, когда побеждает праг-

¹⁴ R. Lenuar, *Sotsial'naya vlast' publichnogo vystupleniya. Poetika i politika*, Sankt Peterburg 1999, p. 176.

матизм, а не метафизика. Приказ кажется более реальным и полезным, чем закон. Магический романтизм обычно подчиняется власти суверенной и безапелляционной. Но и суверенитет, как закрытое пространство власти, довольно скоро сам падет под атаками приказных предписаний, регламентов и инструкций. Как в кибернетическом «черном ящике», на виду остаются только вход и выход: то же, что происходит внутри, останется покрытым тайной: это принцип, который машина очень скоро предъявит внешнему миру.

2. Суверенитет – вторая (после магии) политическая технология

Власть вполне можно описать не только в юридических терминах суверенитета, но и в конкретных исторических терминах господства и игры сил. (М. Фуко полагал, что при исследовании истории мысли следует вообще разрушить удручающе длинные семантические цепи, эти «телеологии разума», разыскивая вместо этого более эффективные «краткие очевидности». Особенностью его генеалогического перехода к истории и был разрыв с представлением о непрерывности ее развития, чему непременно сопутствует и отход от универсалистских претензий разума.)

В теории суверенитета центральная государственная власть, основанная на «общественном договоре», использовала «философско-юридический разум» для подчинения локального универсальному, гетерогенного гомогенному, уничтожая то, что не поддается такой гомогенизации: нет власти без рационального использования дискурса об истине; и «мы просто обречены на производство истины», поэтому действие глубинных механизмов власти не может обойтись без создания специальных аппаратов знания, которые являются ее идеологическим сопровождением¹⁵.

¹⁵ M. Fuko, *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, p. 8, 52.

Принуждение к руководству есть принуждение к власти. Большинство, создающее порядок, требует себе вождя и начальственную власть, суверена, гарантирующую правовой порядок и руководствующуюся решимостью в ситуациях неопределенности. Суверен принимает иррациональные решения, не обеспеченные парламентарными санкциями, но только собственной личной волей. Он может отказаться от опоры на разум, ведь это – «человек доверия», делающий отношения «друг – враг» конституирующими для общества. В исключительном состоянии и конфликтных ситуациях суверен осуществляет свое верховное право не на основе рациональной прагматики или народной мотивации, а в силу своей решительности: здесь уже «речь идет только о ситуационном праве, когда решение суверена легитимизируется на основании исключения, поскольку он и сам является исключением»¹⁶.

Технология суверенной власти предполагает полную асимметричность отношения «господин – подданные», когда в системе властвования суверен поставлен в положение, которое он сам может определить как чрезвычайное. Исключительность этого положения означает как предельное дистанцирование управляющего и управляемых, так и сужение каналов обратной связи. Зато значительно возрастает роль юридической солидарности в сочетании с ростом иерархических структур и тенденций к централизации и тотальности.

Феодальное общество вынуждено было предельно «юридизироваться», чтобы сохранить порядок распределения статусов, каждый элемент в этой машине власти должен был знать свое место и роль. При этом, как представляется, суверенитет не был связан определенно ни с какой политической формой и был способен приспособиться к любой из них: здесь процесс «взаимодействия уже имеет явную тенденцию к самосохранению» (Талкотт Парсонс).

Технология суверенитета оказывалась устойчивой уже в силу своей универсальности. Органические «врожденные»

¹⁶ К.Н. Plesner, *Stupeni organicheskogo v cheloveke: vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu*, Moskva 2004, pp. 336–337.

законы тотальности и суверенности позиционировали себя как справедливые для любых политических единиц: они готовы были описывать и фиксировать любую общность независимо от ее происхождения и достигали в этом такой интенсивности самовыражения, что в конце концов начинали участвовать в крайне политизированном размежевании «друг-враг»: все аспекты существования тотальности – технические и правовые – подлежали в итоге неизбежной политической детерминации. (Морис Ориу считал определяющим критерием для политической единицы тот факт, что она поглощает индивида полностью, тогда как неполитические группы задействует его только частично). Поэтому закон суверенитета представлял собой внутреннюю необходимость органического существования, которое наделял правом разрешения любой важной ситуации сразу весь организм, не доверяя принятие решения какой-либо внутренней группе: закон суверенитета вовсе не требовал, чтобы каждый аспект групповой жизни внутри организма во все времена управлялся и организовывался политически или чтобы централизованная система правления непременно вмешивалась и разрушала организацию любого рода¹⁷.

На закон суверенитета как политической технологии не влияет тот факт, что в данном организме некая внутренняя сила (религиозная, экономическая и др.) может оказаться сильнее самой правительствующей силы: ведь правители в ней настоящими суверенами по сути не являются, а их власть связана лишь с их символически-представительным положением и статусом. Управленческое искусство короля считалось совершенным только в той мере, в какой он смог подражать природе, т. е. действовать подобно Богу: подобно Богу, который управляет природой, как король управляет своим государством.

Фома Аквинский напоминал, что в мире, как и в природе, нет ничего нетленного, но везде проявляет себя определен-

¹⁷ U. Varandzh, *Imperium. Filosofiya istorii i politiki*, Sankt-Peterburg 2017, pp. 204–206.

ная направляющая сила, удерживающая в едином целом те элементы, которые образуют собой живые тела. То же происходит и в королевстве. Необходимо, чтобы в государстве было нечто такое, что соответствует направляющей жизненной силе организма: «как в любом множестве, необходимо руководящее начало, обязанное царствовать и управлять», так, в государстве эту роль играет суверен – король. (Когда говорят о «боге из машины», имеют в виду именно этот загадочный закон сохранения цельности, свойственный как витальному организму, так и машине).

Техника суверенитета всегда была предельно юридизирована как по отношению к внутреннему пространству власти, так и вовне. Суверен олицетворял закон и сам же его творил. С началом Нового времени эта тенденция подкрепляется еще и юридификационными и институциональными техниками, приказ же, как форма, рожденная еще в древности, оставался без существенных изменений: всеобъемлющий характер, автономность и исключительность оставались основными признаками суверенитета: носителем же политической власти стало государство, лишь олицетворяемое в личном властителе, а позднее – в народе.

Жан Бодэн был убежден, что сувереном может быть кто-то только один, что суверен не может быть подданным, и что его единственная политическая ипостась – единая трансцендентная власть.

Процесс совершенствования технических средств и технологии как земледелия, так и технического производства приводил к повышению ценности землевладений. Вся феодалная система с ее сюзеренитетом-вассалитетом должна была соответствовать складывающейся системе поземельных отношений. Статусы, иммунитеты, привилегии и исключения становились знаковыми обозначениями процессов, происходивших в глубинах формирующейся тотальности бытия.

Но в эпоху модерна политическая трансцендентальность государства стала определяться исключительно как экономическое трансцендентальное; государство же становится только некоей внешней необходимостью по отношению к обществу

и индивиду, высшей властью, природе которой подчинены и законы, и интересы. С другой стороны, оно же становится их имманентной целью: его сила как раз заключена в единстве его всеобщей конечной цели: благодаря действию машины суверенитета массы в любой момент могли быть преобразованы в подчиненную порядку тотальность. Будучи политической властью, противостоящей всякой иной власти, суверенитет непременно оказывался еще и полицейской властью.

Цель суверенитета всегда замкнута на самой себе, она как бы отсылает к истоку, к самому акту осуществления суверенитета: с этой точки зрения благо есть необходимое подчинение закону, следовательно, благо, к которому стремится суверенитет, и состоит в подчинении людей самому этому суверенитету: Макиавелли трактовал правовой принцип, определявший в праве XVI в. суверенитет как осуществление власти над вещами и территорией, и только как производное – над людьми, ее населяющими. Идею подхватывают меркантилисты: ими была сделана первая серьезная попытка сочетать искусство управления и юридическую теорию суверенитета: главная цель во всем этом – мощь суверена, а инструментарий – законы, постановления, т. е. традиционные орудия суверена, те же, что и были у государственной власти. Но уже в XVII в. в процесс конституализации вмешались правоведы, сформулировавшие теорию договора как основополагающего принципа суверенитета, договора о взаимных обязательствах и притязаниях суверена и подданных¹⁸.

Независимое положение суверена в структуре мегамшины вовсе не означает его нейтралитета. Весь механизм власти был централизован и ориентирован в своей работе на единственный и конечный пункт – личность суверена: именно он – постоянный двигатель системы, а следовательно, обладает знанием о действительной цели движения, которую сам же и формулирует, ориентируясь только на трансцендентные

¹⁸ М. Фуко, *Искусство государственного управления, Интеллектуаль и власть*, Москва 2005, ч. 2, р. 200.

инстанции и советы. Сам же он полностью вписан в механизм властеотношений, «вынужденно» играя роль центра.

М. Фуко предложил вместо исследования власти как юридической и государственной аппаратуры ориентировать анализ власти на ситуацию господства (а не суверенитета), т. е. на материальные механизмы господства, на формы подчинения, на связи и нормы использования локальных систем этого подчинения, а также на сопутствующие системы знания: «Нужно освободиться от модели Левиафана, модели искусственного человека, робота, в равной мере созданного из разных частей и унитарного», в котором граждане олицетворяют тело, а верховная власть – душу. Следует изучать власть вне области, ограниченной юридической суверенностью и институтом государства: «Речь здесь должна идти об анализе, исходящем исключительно из техники и тактики господства»¹⁹.

Социальная сила всегда отождествлялась с властью и сосредотачивалась во властном центре. Всякое сакральное по своей сути властно. Властный персонаж царь, вождь – отличался от подданного значительной разницей энергетических уровней, дающей вождю явное превосходство. Его, как сакральное существо, приходилось искусственно изолировать от простых смертных – так возникала ассиметричная иерархизированная структура центра и периферии: между царем и подданными действует тот же закон раздела, что и между фратриями. Но если в последнем случае двухчастное деление подразумевает равновесие, [...] то между правителем и народом [...] отношения единонаправлено – иерархически. Ведь предписывающие правила не действуют в обе стороны²⁰. Равновесие в «машине власти» как раз было обусловлено на всем пространстве ее существования соразмерностью встречных сил и их готовностью уступить давлению внешней для системы, которую они представляют, силы. Рациональность политической технологии предполагает более или менее точный учет этих факторов, хотя невозможно полностью исключить вторжения стихийных,

¹⁹ М. Фуко, *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, p. 53.

²⁰ R. Kayua, *Chelovek i sakral'noye*, Moskva 2003, p. 214.

случайных иррациональных моментов. И если машина пока что и лишена каких-либо эмоций и сомнений, то для человека и его поведения это все еще характерно. Технику не волнуют вопросы о нравственности и полноте знания.

Метафизические размышления и технологии не совместимы по существу, поэтому, обращаясь к проблемам техники, М. Хайдеггер и рассматривает их на фоне процессов преодоления метафизики. Сомнения же, нависающие над разумом и над компетентностью, происходят не от требований технологической рациональности, а от онтологической критики метаязыка и медиаполитики, в которых предполагается смешение разума государства и разума знания. Критики же полагают, что они также несовместимы, как разум государства и «смысл существования», называемый также этикой: Паскаль категорически различал знание и «мир»²¹.

Суверенитет конституируется прежде всего на основе радикальной воли, которая связана с фактором страха, и даже сама верховная власть никогда не формируется непосредственно наверху, но всегда поднимается как бы снизу, как бы «волей тех, кто боится», Многочисленность властей, толкуемых в качестве политических (что возможно при условии, когда между возможностями и властью будет установлено прочное единство) может быть определена и допускается лишь исходя из реального единства власти: стремление субъекта к подчинению, основание единства власти и уважение к законности — и есть основные элементы суверенности, полагал Фуко²².

Суверен приходит в мир как новое юридическое существо. Вместе с ним рождается и некое «право на жизнь и на смерть», явно ассиметричное по существу право, которое суверен осуществляет, приводя в действие свое право убивать, маркируя его смертью, которую он вправе потребовать: такое право есть настоящее право принуждения. Эту юридическую форму следует относить к тому историческому типу общества, в котором власть осуществлялась преимущественно в качестве «инсти-

²¹ ЖИ.-Ф. Лиотар, *Postmodern*, p. 93.

²² М. Фуко, *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, p. 61.

тута взимания, механизма отнимания, права присвоения»: власть здесь была в первую очередь правом захвата – над вещами, временем, телами, над жизнью²³.

Постепенно это право на смерть обнаруживает тенденцию перейти на более широкое требование власти, которая уже управляет всей жизнью полностью: прежние требования суверена исключительно на смерть предстает теперь уже как изнанка права, которым обладает некое социальное тело – право обеспечивать свою жизнь, поддерживать и приумножать его. (Войны больше уже не ведутся во имя суверена, которого некогда было принято защищать, они ведутся «во имя всех», целые народы стравливают друг с другом, чтобы они убивали друг друга во имя необходимости жить. Бойни становятся жизненно необходимыми. И ядерная ситуация сегодня – это только конечная точка этого процесса: «власть предавать одну часть населения тотальной смерти есть обратная сторона власти, гарантирующая другой части сохранение ее существования».

Переход организационной динамики государства от «средневековой иерархии к дисциплине современности, от господства к функции» (М. Вебер) породил главный орган нового трансцендентального – бюрократию. Она управляла аппаратом, сочетающим легальность и организационную эффективность, получала право на власть и ее осуществление, на решение вопросов политики и полиции: смена парадигмы суверенитета заменяется здесь парадигмой правления, наличие единого центра власти – общей системой дисциплины, пронизывающей все общество (М. Фуко). Бюрократия в своей идеальной и легальной схеме представляется как система жесткой зависимости нижестоящих звеньев от вышестоящих (иерархичность) по вертикали и четкой согласованности действий с нормами, предписаниями, регламентами (нормированность) по горизонтали. Предполагаемой и декларируемой интеллектуальной основой системы стало считаться

²³ М. Фуко, *Volva k istine*, Moskva 1996, pp. 240–241.

специальное знание, которое охранялось государственной тайной и формализованной сложностью символического отображения. И именно бюрократия оказалась тем «полигоном», на котором отрабатывались все новые техники управления. Если суверенитет капитализировал территорию, в качестве главной проблемы выдвигая центр как место осуществления правительствования, то новая «дисциплинарность» сама сооружала для себя собственное властное пространство, заботясь в первую очередь о субординации элементов системы в их функциональном взаимодействии.

Идея же безопасности теперь была ориентирована на обустройство некой среды в ее временном и случайном существовании: среда здесь – только основа и стихия для передачи действий. Вторжение же «естественного» человеческого вида в искусственную среду и политическую искусственность властных отношений стало определять новый тип господства, теперь уже более совпадающий с управлением²⁴.

Категорические утверждения господства в технологиях управления смягчались вариативностью решений, а главное – возможностью с использованием обратной связи корректировать уже выбранное направление действия. Путь от «правления к управлению» лежал через установление и принятие общеобязательных (а не исключительных и статусно дифференцированных) правил. Машина, которая могла двигаться только в одном направлении – господство сверху, подчинение снизу – получала возможность маневра. Между центром власти и массой подвластных оказывались встроенные структуры, игравшие роль «буфера и пароотвода и подающие власти необходимые сигналы — представительные органы». (Генри Мен записывал: «Движение прогрессивных обществ до сих пор было движением от статуса к контракту»). Концепция же статуса, предписанного места, которое каждый индивид занимает в обществе, соответствовало государству, в котором правила не являлись общими, особо выделяя от-

²⁴ M. Fuko, *Bezopasnost'*, pp. 40–41.

дельные группы и индивидов: контракт – противоположность статуса, для которого обязательно наличие общих и равных для всех законов, т. е. общеобязательных правил²⁵).

Но уже в XVII в. юристы пересматривают общую теорию договора. Если для юристов эта доктрина была некоей рефлексией над взаимоотношениями властителя и подданных и теоретически была весьма полезной, то для тех, кто занимался общими проблемами реального руководства и властвования (как Гоббс), дело обстояло иначе: из этой доктрины можно было вывести лишь самые общие принципы государственного права, но не конкретные техники искусства управления. И уже только Руссо еще раз попытается описать это с помощью таких синтетических категорий как «природа» и «общая воля», с целью совместить юридические принципы суверенитета с главными элементами управленческого искусства²⁶.

Политическая теория суверенитета поддерживала и выделяла также некую множественность властей, которые не являются властями в политическом смысле слова, а представляют собой лишь потенциальные силы и способности, которые еще только могут стать политическими при условии, что между ними будет установлено фактическое единство власти: неважно, будет это единство воплощено в монархе или государстве, важно, чтобы в нем имели место различные формы, механизмы и институты власти.

Теория суверенитета тем самым как бы доказывала, каким образом власть может основываться не на законе, а не некоей более фундаментальной легитимности, даже более фундаментальной, чем все законы, и которая сама является их основоположением. Сама же теория суверенитета рождается и применяется в атмосфере, предваряющей появление реального закона: «Субъект, единство власти и закон – таковы, – полагает Мишель Фуко, – основные элементы общей теории суверенитета»²⁷.

²⁵ F. Khayyek, *Konstitutsiya svobody*, Moskva 2018, pp. 193–194.

²⁶ M. Fuko, *Bezopasnost'*, pp. 159–160.

²⁷ M. Fuko, *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, pp. 60–61.

Технонаука в качестве критерия суждения понимает и принимает только успех, отвлекаясь от его истинности. Успех же устанавливается как «санкция, как закон, который неведом», поэтому он не решает проблемы реализации «всеобщности», но лишь ускоряет процесс делегитимизации. Идея сама способна обладать легитимирующей силой уже потому, что она всеобща. Она придает современности характерный для нее модус проекта, т. е. воли, направленной на некую цель. И в этой ситуации право уже не может исходить только из фактического положения, поскольку «реальное общество черпает свою легитимность не в себе самом, а в некоем идеальном сообществе, которое не имеет имени, но лишь востребовано»: общество же, которое черпает легитимность своих форм жизни только в своем имени и своем прошлом, тем самым утверждает объективность традиционных институтов²⁸. «Государственный интерес [...] стал таким приведением реальности государства в соответствие с некоей вечной сущностью государства». Status обозначает состояние неподвижности, а государственный интерес – по сути только техническое правило, которое позволяет обрести покой, сохранить и укрепить государственность: вместе с тем он неоднороден системе законности или легитимности и всегда чреват чрезвычайным положением и переворотом. (Ж. Жироду предупреждал, что со временем хозяевами нашей цивилизации будут «штабы и весталки», поскольку сохранение народной мудрости может оказаться монопольным делом одной лишь олигархической элиты, национальный гений будет достоянием оторванного от масс интеллекта, который может навязывать свои добродетели и свой характер народу лишь благодаря уловкам и тирании²⁹.)

То, что возникло на Западе XVI и XVII вв., еще не было политикой как особой областью или совокупностью объектов, это был только определенный способ утверждать, мыслить, программировать специфику управления по отношению к управлению суверенитета: «В противоположность к юриди-

²⁸ ЗН.-Ф. Литар, *Postmodern*, p. 35, 80.

²⁹ А. Мол', *Sotsiodinamika kul'tury*, Moskva 1973, p. 358.

чески-теологической проблеме обоснования суверенности, политики – это те, кто пытался только еще осмыслить саму форму рациональности управления»³⁰.

Но и с развитием нового искусства управления суверенитет полностью не исчезает из политического дискурса, хотя в отличие от его классических концепций XVI и XVII вв. речь теперь уже идет здесь не о том, чтобы обосновать искусство управления на основе теории суверенитета, а о том, чтобы «указать суверенитету, характеризующему государство, его правовую и институциональную форму и дать ему правовое обоснование». Сложился своеобразный парадигматический треугольник: суверенитет, дисциплинарные практики, правительственное управление. «Средневековое государство правосудия, сменившееся в XV–XVI вв. административным государством, постепенно превратилось в “управленческое государство”» (М. Фуко).

Государственное управление структурно складывалось из комплекса учреждений, процедур, исследований, расчетов и тактик, позволявших претворять в жизнь сложную форму власти, техническим инструментарием которой явился прежде всего аппарат безопасности³¹. В слиянии техники и науки в возникающем технонаучном конгломерате, в пересмотре прежних логик и современных рассуждений, во внедрении новых технологий (машины первого поколения способны вычислять, запоминать и «рассуждать») проявилось лишь усложнение образа жизни и реальности, с которой был обязан считаться правящий политический класс. И все же «никогда научное или техническое открытие так и не подчинялось какому-либо запросу, идущему от нормальных человеческих потребностей. Оно всегда приводилось в движение независимой динамикой того, что люди могли считать желательным, выгодным, удобным [...] Человечество же всегда оказывалось отстающим от способностей понимать, от «идей» и действовать,

³⁰ М. Фуко, *Bezopasnost'*, p. 323.

³¹ М. Фуко, *Iskusstvo gosudarstvennogo upravleniya*, pp. 205–207.

от «средств», которые проистекали из изобретений, открытости, исследований и находок» (Ж.Ф. Лиотар)³². (Современное цифровое кодирование в отличие от письменного, по сути статического, использует как динамические, так и статические носители. «Шифровка юридических текстов – это приумножение возможностей их администрирования и консультирования с помощью компьютера, но это еще и уменьшение авторитета права». Дематериализация юридических актов ускоряет процедуры, но из-за киберкода носителей исчезает некая «величественность» права.

Кодекс Хаммурапи был высечен в камне, эти фиксированные и вечные носители делали закон и договор неотвратимыми. Когда перестала существовать теократия, писаное право (не пергамент и бумага) оставалось физически изолированным от собственных истоков и обстоятельственного высказывания, [...] оно существовало само по себе [...] Кодекс был чем-то более постоянным, но уже не событием: обездвиженность, объективность, автономия суть факторы трансцендентности. На новых же носителях текст становится гибким и податливым, легко исправляемым построчно: теперь «мы перешли от Закона с большой буквы к «законодательным данным»: от сакральности закона к его повседневности».)

В государственной теории конца XIX в. суверенитет, который теперь окончательно принял наиболее подходящую ему юридическую форму, оказался закрепленным уже в новой правовой сфере и правах политического и правового субъекта; «Дисциплина же, которая появилась и выросла в практических техниках тренировки тела, стала универсальным механизмом регулирования в производстве послушных и полезных субъектов; управление, возникнув в проблематике «распоряжения», воплощенной в политике и государственном интересе, становится механизмом управления более широкими процессами жизни»³³.

³² Z.H.-F. Liotar, *Postmodern*, pp. 114–116.

³³ R. Debre, *Vvedeniye v mediologiyu*, Moskva 2000, pp. 139–140.

СОДЕРЖАНИЕ

Идеальное управление и совершенство техники

Статья посвящена проблеме «технологизации» социальных и политических структур и институций. Современное понимание техники как социального инструмента и политического орудия стало формироваться в эпоху Возрождения и достигло своего совершенства в период промышленных революций XIX века. В этот период прежние понятие политического суверенитета уступает место новым представлением о технологии властвования, появляется понятие биовласти, представление и сетевом характере властных отношений, подвергается критике традиционное понимание иерархии и системы. На уровне идеологий этот переход может быть определен как движение от понятия «правление» к «управлению». Управленческому техницизму приписывается характер нейтральности, образцы множественности и плюрализма властей скрывают истинные центры властвования, понятие демократии применяются к разным формам политической реальности. «Технологический идеализм» становится новой формой квазирелигиозной веры в прогресс. Действительные риски часто остаются без внимания. Технологии власти, которые не могут быть однозначно оценены в перспективе своего развития могут содержать совершенно неожиданные последствия. В этой ситуации основе внимание к эволюции политических и правовых институций становится особенно важным.

Ключевые слова: машина власти; технологии; норма; суверенитет; иерархия; плюрализм; демократия; тотальность; правление; управление; дисциплина; приказ; массы; руководство; нормированность; функция; справедливость; легальность; законность

SUMMARY

Perfect management and perfection of the equipment

Article is devoted to a problem of “technologization” of social and political structures and institutions. Modern understanding of the equipment as social tool and political tool began to be formed in Renaissance and reached the perfection during industrial revolutions of the 19th century. During this period former the concept of political sovereignty gives way

new idea of technology of dominion, there is a concept of the biopower, representation and the network nature of the imperious relations, traditional understanding of hierarchy and a system is exposed to criticism. At the level of ideologies this transition can be defined as the movement from a concept “board” to “management”.

The nature of neutrality is attributed to administrative technicism, examples of plurality and pluralism of the authorities hide the true centers of dominion, a concept of democracy are applied to different forms of political reality. “The technological idealism” becomes a new form of quasireligious belief in progress. The valid risks often remain unaddressed. Technologies of the power which cannot be unambiguously estimated in the long term the development may contain to commission unexpected consequences. In this situation to a basis the attention to evolution of political and legal institutions becomes especially important.

Keywords: car of the power; technology; norm; sovereignty; hierarchy; pluralism; democracy; totality; board; management; discipline; order; masses; management; normirovannost; function; justice; legality; legality

BIBLIOGRAPHY

- Batay Z.H., *Psikhologicheskaya struktura fashizma*, „Novoye literaturnoye obozreniye” 1995, ch. 13.
- Varandzh U., *Imperium. Filosofiya istorii i politiki*, Sankt-Peterburg 2017.
- Veber A., *Proshchaniye s prezhney istoriyey Krizis yevropeyskoy kul'tury*, Sankt-Peterburg 1979.
- Kayua R., *Chelovek i sakral'noye*, Moskva 2003.
- Khayyek F., *Konstitutsiya svobody*, Moskva 2018.
- Lenuar R., *Sotsial'naya vlast' publichnogo vystupleniya. Poetika i politika*, Sankt-Peterburg 1999.
- Liotar Z.H.-F., *Postmodern*, Moskva 2008.
- Mamford L., *Mif mashiny*, Moskva 2001.
- Marsel' G., *Lyudi protiv chelovecheskogo*, Sankt-Peterburg 2018.
- Mol' A., *Sotsiodinamika kul'tury*, Moskva 1973.
- Frankfurt G., Frankfurt G.A., Uilson Dzh., Yakobson T., *V preddverii filosofii*, Moskva 1984.
- Fuko M., *Iskusstvo gosudarstvennogo upravleniya, Intellektualy i vlast'*, Moskva 2005, ch 2.
- Fuko M., *Bezopasnost', Territoriya, Naseleniye*, Sankt-Peterburg 2008.
- Fuko M., *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo*, Sankt-Peterburg 2005.

Fuko M., *Rozhdeniye biopolitiki*, Sankt-Peterburg 2010.

Fuko M., *Volya k istine*, Moskva 1996.

Fuko M., *Sub'yekt i vlast'*, „Intellektualy i vlast'” 2005, ch. 3.

Yunger E., *Sud'ba nigilizm, Cherez liniyu*, Sankt-Peterburg 2006.